

Жизни и сцены

Николай КАРАЧЕНЦОВ: «Уже отдал последний миллион»

Коленька Караченцов. Как стремительно превратился он в Николая Петровича, народного артиста, кумира... Впрочем, кумиром он был всегда. До Тили, после Тили, в «Оптимистической трагедии» и «Школе для эмигрантов». Наконец, в «Соггу...». А уж на эстраде, экране... Помню, Марк Захаров рассказывал, как был счастлив, узнав, что из фойе театра украли Колину фотографию. Это случилось в 74-м году. На премьере «Тили». Он популярен оглушительно. И я не верю, что эта популярность может не нравиться.

— Ну да! Тут есть, мне кажется, некий нюанс. Популярность бывает всякая; иногда назойливая, иногда просто хамская, когда лезут к тебе в душу, а у тебя плохое настроение... Опять же популярность накладывает на тебя ответственность, ты должен соотноситься, как вести себя на людях, потому что по тебе о других будут судить.

— А если подойдет Паниковский и попросит «дай миллион»?

— Уже подходил. И не один. Ответил, что уже отдал. Последний. Он, может, в сто раз богаче меня, переоденется, сядет в «Мерседес» и ручкой помашет...

— А вы драчливы?

— Давно не дрался, а раньше влезал «на раз». Но когда что-то сильно возмущает, трудно сдерживаться. Хотя лицо надо беречь... Но все равно бывает. Реже — к счастью или к сожалению, — потому что узнают.

— А страшно бывало?

— Когда «Тили» репетировал, первую роль у Захарова. Пошли слухи, что Захаров ведет перегово-

воры с Андреем Мироновым. Ну, думаю, значит, плохо репетирую. А когда перестал получать замечания — и вовсе сник. Я вообще-то заветных ролей не выбираю и не загадываю. Влюбляюсь, когда уже прихожд.

— Вернемся за кулисы. Я знаю ваше свойство любой разговор переводить на театральную тему. Вы живете только театром?

— Наверное, в первую очередь. Театр, кино, дом.

— А что такое «дом»?

— Наверное (клянусь себя), я плохой отец: мне не хватает времени заниматься сыном. Я вообще всегда боюсь говорить о доме и пытаюсь в интервью этой темы не касаться.

— Что такое в вашем понимании идеальный мужчина и идеальная женщина?

— Я не знаю. Почему я никогда не говорю об этой сфере своей

жизни? Потому что безумно суеверный человек и боюсь сглазить.

— Вы влюбчивы?

— Возможно. Не задумывался. Влюбчивый — это когда часто влюбляются? Или вообще влюбляются? Человек, который влюбляется каждый день, — влюбчивый?

— Ну-у-у... такой характер.

— А тот, который влюбляется однажды и навсегда?

— Это не влюбленность, это уже любовь.

— Аномалия?

— Во всяком случае, редкость. А на газеты у вас совсем нет времени?

— Почему? Читаю.

— Когда? «Драмкружок, кружок по фото, а мне еще и петь охота...».

— Это то, подо что можно застучать.

— Ну, спасибо! Нет, на такой ноте я разговор не закончу. Что самое опасное для вас?

— Не только для меня: мы подделяемся под среду, нивелируем себя.

— А если не нивелировать, может получиться чеховский доктор Львов. Он же вроде всегда всем говорит правду. А Иванов — циник...

— Говорить правду — это не значит говорить: «Господи, до чего же у тебя кривые ноги, де-вушка». Или — «Ты плохой артист». Ну, глупо. Я говорю о какой-то цельности. Верности себе. Сегодня самосохранение важно. Не физическое только: душевное, духовное. А это трудно. Всегда. А уж сегодня...

С. ОВЧИННИКОВА.